

Разгулялась зима чрезвычайно –
с ледяным декабрем не шути!

СКАЗКА НАЯВУ

ТВОРЧЕСТВО ВЯЧЕСЛАВ ГУТНИКОВ

Живая рюмочка

Вновь
наступает Новый год –
народная забава...
По головам веселье бьет
и радуется по праву.

Все
забывают обо всем,
с шампанским все знакомы.
Входите в самый лучший дом
и просто будьте дома.

Все наши
за столом сидят,
кому сидеть охота...
Никто ни в чем не виноват –
такая здесь работа.

Вновь
наступает Новый год,
все цели затыкая...
Живая рюмочка идет –
игра у нас такая!

Год Крысы

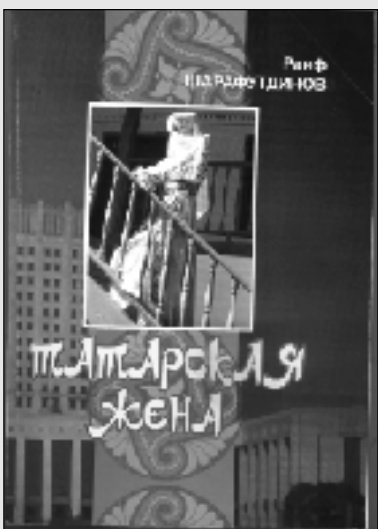
Выше
ушки на макушке,
не опустим лапки вниз.
Вслед за годом доброй хрюшки
наступает год для крысы.

Моя киска
зубки чистит
и выплевывает кость.
Среди всех житейских истин
сохраняется «авось».

Новый год,
конечно, праздник
для детишек и вдвоем.
Без крысиных масок разных
как-нибудь переживем.

Шутка
Родину спасала
и спасет наверняка.
Лучше крысам дайте сала
с добавленным коньяка!

«Татарская жена»

ИЗВЕСТНЫЙ магнитогорский журналист, заслуженный работник культуры РФ Раиф Шарафудинов написал роман «Татарская жена».

В его первом художественном произведении большой формы предпринята попытка анализа нашей жизни на закате Советской власти. Это книга о любви и предательстве, о преодолении себя во имя долга перед обществом. Это трагический рассказ о двух неординарных личностях, действующих в условиях тоталитарного режима.

Роман «Татарская жена» можно купить в магазинах «Книги» – пр. К. Маркса, 134 (ост. «Юность»), пр. К. Маркса, 165 (ост. «Энгельса»), в газетно-журнальных киосках магазинов «Океан» и «Зори Урала», ТЦ «Гостиный двор», «Казачий рынок», «Радуга вкуса», в музейно-квартире Бориса Ручьева (пр. Ленина, 69/1, телефон 37-39-67).

Денис Коновальчик – программист, поэт, бард, журналист. Родился в Магнитогорске в 1975 году. Стихи публиковал в городских газетах, журнале «Компьютерра» и поэтических сборниках «Форма огня», «Неизвестные поэты России», «Современники» (Москва). Автор книги стихов «Песни от фонаря» (2007). Основатель и куратор некоммерческого библиотечно-энциклопедического проекта «Литераторы Магнитогорска в Интернете» (<http://litmagnit.narod.ru>). Работает программистом в ООО «Компас Плюс». В конце декабря исправно «дед-морозит» для детей своих коллег.

ДЕНИС КОНОВАЛЬЧИК

Песня Деда Мороза

Звонкой льдинкой смеха сковав море слез,
я стою на пороге теперь –
чародей и проказник, румяный Мороз.
Отворяйте скрипучую дверь!

Будь ты ростом, дружок,
хоть с сажень, хоть с вершок –
подойти не стесняйся ко мне.
Протяну я тебе свой волшебный мешок –
в нем всегда есть подарки на дне.

Говорят, что немало мне стукнуло лет,
но готов я к труду каждый год
и исправно тащу свой счастливый билет,
мча до вас из лапландских широт.

Что ж, судьбой кочевой я доволен вполне,
и скажу, не таясь, напрямик:
я в вас верю, друзья! Помогите же мне –
лишь поверьте в меня хоть на миг.

Первый снег

Что-то случилось, и в мире вдруг
зло поменялось с добром местами –
тонет спасательный солнца круг
меж разведенными врозь мостами.
Город нахмурился и поплек,
став серым призрачным эшелонном.
Но, достучавшись в осенний век,
не повинуюсь ничьим законам,

снег идет.
Это первый снег идет...
И, пока он кружит в ритме вальса,
времени прервался бег.
Снег идет.
Это первый снег идет...
Душу одинокую щемящий,
первый настоящий снег.

Чистый и вещей, как детский сон,
снег на усталый асфальт ложится –
словно от грязи былых времен
жизни прошедшей чиста страница.
Пусть день вчерашний насквозь фальшив,
нас не коснутся его проклятья,
ведь на мгновенье объединив
всех нас в пуховом своем объятье,

снег идет.
Это первый снег идет...
Пусть не вечен этот звездный полог,
пусть его не долог век.
Снег идет.
Это первый снег идет...
Словно сокровенные надежды,
праведный и нежный снег.

Гололед

Прожилки улиц,
склонясь над белым полотном,
зима рисует...
А ты остался на цветном –
там, где сияет
иальное солнце круглый год
и где не знают
такого слова – гололед.

Пусть вьюга глушит
чуть слышимый звук твоих кассет,
ей в наших душах
не замести глубокий след.
Необходимо
нам знать, как жизнь твоя течет.

МИШЕ АТЛАСУ

ФОТО ПОЭТА ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Как местный климат?
У нас, как прежде, гололед.

А мы, как раньше,
твои мелодии поем
почти без фальши.
Пусть жизнь, как в зеркале кривом,
но живы песни,
и наша все равно возьмет –
вернись, и вместе
растопим этот гололед.

Зима на носу

Прохожие мохнатые
свои носы попрытали
под норку, под бобра и лису.
Хоть мой носище красненький
мехами не облаканный,
но у меня зима на носу.

Пусть люди посторонние
ворчат на межсезонье,
я нос по ветру с честью несу.
Не занятый придирами,
мой нос заодно фыркает –
и у него зима на носу.

Пускай поземка стелется,
пускай метет метелица
и воет, словно волки в лесу.
Мы с носом – два проказника –
но мы дождемся праздника,
ведь Новый год у всех на носу!

Старый год копейкой канул в щелку,
что легла морщиной на лице...
Может, слишком рьяно, без умолку,
мы твердили о его конце?

В суете томительной и странной,
сквозь тоску предпраздничных забот
полнолунный гривенник чеканный,
уже грядет проныра Новый год.

Он вступает, славы прихлебнувший,
свеж напор, слова его остры...
Но куда роднее год минувший,
чтимый всеми нами до поры.

Догорели праздничные свечи.
В безвозвратный уходя предел,
он, как память о недолгой встрече,
нас среди миров запечатлел.

После праздника

Отхлынули веселье пирушки,
прочь унеслись рождественские сны,
сверкавшие средь зелени игрушки
безжалостно в чулан водворены.

Пришлось расстаться с мыслями о чуде –
опять растет забот житейских ком.
Угас наш праздник, точно джинн в сосуде,
что заточен во мрак на дне морском.

Но не века продлится заточенье –
год промелькнет, и, трепетно стуча,
нам сердце снова выдаст нетерпенье,

и лезвие коснется сургуца...
И исполин восстанет из сосуда,
взвывается он в тугую синеву,
и, словно волшебство, из ниоткуда
воскреснет праздник – сказкой наяву.

Ценник на счастье

Разгулялась зима чрезвычайно –
с ледяным декабрем не шути!
Чтоб погреться, забрел я случайно
в магазинчик, что встал на пути.

Затворились щелчком евродвери,
распахнулся торговый уют...
Взор досужий в прилавок я вперил –
и не смог оторвать: «Во дают!»

Предо мной поднялась в одночасье
упаковок манящих стена,
и на каждой написано «Счастье»,
и указана рядом цена.

И толчется народ магазинный:
– Ах реглан, ах фасон, ах сатин...
– Уцененка почти вполовину...
– И наклейка, поди ж ты, Made in...

Чую вдруг: на меня из коробки
два зеленые глаза глядят,
и вещает о пользе обновки
их стеклянный уверенный взгляд.

Как туманом, рассудок разжижен
заклинаньем могучим «Купи!»,
а злокозненный сверток все ближе
подползает, как хищник в степи...

И была уж запрыгнуть готова
мне коробка на плечи, как рысь,
но, воспрыв от нахальства такого,
что есть силы я крикнул ей: «Брысь!»

Ты, зверюга неведомой масти,
на меня свои зенки не пяль.
Мне такое лишь по сердцу счастье,
чтоб не денег, а жизни не жаль!»

Хлопнул дверью. Метели извивы
сразу хлынули за воротник...
Отчего-то я самым счастливым
показался себе в этот миг.

Предрекают записные футурологи:
«Эй, поэты, ваши дни уже недолги.

Старомодные анапесты и дактили
вымрут разом, как когда-то птеродактили.

Прозаическими стиснутые дамбами,
пересохнут все хорей вместе с ямбами.

В Лету канете вы, ахая и охая,
с меловой и чернильной эпохой.

Так реально это грозное пророчество...
Только верить мне в него совсем не хочется:

ждет с концом поэтозоя, без сомнения,
нас всемирное сердце оледенение.